

Любовь Бортник

12 друзей Евы

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Любовь Бортник

12 друзей Евы

«Автор»

2018

Бортник Л.

12 друзей Евы / Л. Бортник — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-07472-9

Ева - молодая девушка из Санкт-Петербурга. Она страдает психическим заболеванием - каждый раз, когда происходит что-то такое, что не укладывается в её голове, она пытается покончить с собой. После многочисленных попыток свести счёты с жизнью она попадает в частную клинику польского доктора. Там она встречает людей, которые делятся с ней своими историями. Некоторые из обитателей этой клиники станут для неё друзьями, а кое-кто - чем-то большим, чем просто друг. Ева пробудет в этом месте всего несколько месяцев, и за это время переживёт множество передраг и настоящих трагедий. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07472-9

© Бортник Л., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Любовь Бортник

12 друзей Евы

Глава 1

Четыре пусты бутылки. Четыре пустые литровые бутылки. И как в него столько влезают? И как моя мама, женщина с высшим медицинским образованием, шесть раз выходявшая замуж, терпит его? Я его не терплю, а она может. Мой отец, третий мамин муж, никогда не позволял себе такого. Наверное, поэтому они и прожили шестнадцать лет. И прожили бы ещё, если бы папа не умер от передозировки анальгетиками, которые он пил, чтобы заглушить боль от отрезанных ступней. Пять лет назад, спеша с ночной смены, чтобы успеть поздравить первым меня с шестнадцатилетием первым, он попал под машину. Не всем телом. То шевроле проехало ему по ногам, и ступни пришлось ампутировать. Два месяца он мучился, но однажды просто проглотил двадцать или тридцать таблеток, от которых его сердце перестало биться. В тот момент, когда я нашла его, лежащего на полу в пене и с синюшным лицом, и моё сердце перестало биться. На мгновение. Но это мгновение оставило большой шрам. Никто не любил меня, так как он. Единственный, кто мог вечером прийти и поговорить со мной. Просто. О том, что я делала, и какие планы на завтра. Хорошо ли мне в новой школе, и нашла ли я друзей. А ещё о том, сколько мороженого я бы съела, если бы мне за первое дали пятьдесят рублей, а за каждое последующее плюс десять. Я ответила, что столько, сколько хватит на лечение. И тогда он замолчал. Он молчал долго, минут пятнадцать, а может больше. А потом вскрикнул.

– А пойдём завтра в аквапарк!

– Пап, у меня школа. Мама не разрешит мне пропустить.

– Зато отец тебе разрешает. Я позвоню в школу, скажу, что ты плохо чувствуешь себя.

– Папа. Ты лучший на Земле.

Папа был действительно лучшим.

И останется им навсегда. Хотя для мамы все её шесть мужей были идеалами. Богоподобными существами. Такими, что с медицинской точки она не могла объяснить их сексуальность и притяжение. И каждый был лучше прежнего. Она родила меня в двадцать четыре, и до этого момента дважды уже была замужем. Прожила с отцом шестнадцать лет, и только схоронила его, как вышла замуж снова. За гробовщика. Того самого, который опускал гроб моего отца. Не прошло и сорок дней с его смерти, а мы уже отмечали мамину четвёртую свадьбу. Они отмечали. Я горевала. Конечно, я поздравила их, и даже на общем фото оказалось моё опухшее от слёз лицо. Но я искренне не понимала маму. Через четыре месяца они развелись. Мама долго не могла оправиться от развода, и целых четыре года жила одна. Год назад она снова вышла замуж, за своего гинеколога, который диагностировали ей менопаузу. Через две недели она, оскорбленная тем, что «он видел всё, и нового с ней не испытает», она бросила его, принесла вещи ему в кабинет без всякого предупреждения. И вот, Олег. Дядя Олег. Он всегда был для меня "дядя Олег". Он жил по соседству с моей бабушкой, в деревне. Но, вдруг, в сорок пять ему приспичило переехать в Санкт-Петербург. Он продал родительский дом в деревне, и со своими тремя сотнями тысяч приехал в Питер. За неделю промотал, и не знал куда идти. Он пришёл к нам. Сначала он помогал нам по дому. Мама платила ему за это. А потом он предложил ей. И она согласилась. Хотя, я видела, как она восхищенно наблюдает за ним, когда он моет посуду. Она отрывалась от своего медицинского веб-журнала, и со страстью провожала каждую тарелку в его руках. Сперва, он мыл посуду каждый день. Каждый день убирал за нами, и даже с утра кричал, чтобы я не убирала комнату, а занималась своими делами. Своих дел у меня было не много. Я бы и сама со всем справилась, но он был очень настойчив, и я жалела

его. С каждым месяцем он становился всё ленивее. И вот, через двенадцать месяцев, то есть вчера, я нашла четыре пустых бутылки под их с мамой кроватью. Да, она терпела его. Но я не могла. Он настолько стал ленивым, что не мог сходить в санузел, и делал свои дела на ковёр, который я каждый день оттирала. Но не в этот раз. Хватит с меня его дерьма. С самого утра, после того как мама ушла на работу, я закрылась в ванной. С телефоном, «Джен Эйр», чайником с чашкой и пачкой кофе, и с пачкой сигарет. Новый BOND с капсулой. Я должна его попробовать. Хотя я и курила обычно самые дешёвые сигареты, на Бонд я откладывала с той сдачи, что мне давали в магазинах, которые я посещала со списком от мамы. Бонд с капсулой. Освежает рот и приятно пахнет. Хотя вонь с комнаты мамино мужа он не перебьет.

– Мелкая сучка, ты забыла? Убери тут, и ещё пива принеси.

Вот, этот урод проснулся. Я забыла наушники в комнате. Чёрт. Только не это. Ладно, сегодня проживу без музыки. Хотя, иногда мне кажется, что лишь музыка заставляет меня ещё дышать. Только ради того, чтобы услышать маму монстров, и в ожидании её новых песен, я живу. Как она красива. Её фото есть у меня в телефоне. Хотела бы я быть такой, как она. Нет, не мега звездой, которую узнают даже в общественных туалетах самого мелкого американского городка. Нет. Независимой, беспринципной. Бесстрашной. Вот бы и мне не бояться жить, так, как хочу. Не бояться выглядеть так, как другие и не смели. Да, за свои двадцать один я так и не стала такой же. Я с каждым годом, месяцем, днём становлюсь только слабее. Началось это, когда мне было девять. Я была у бабушки. Когда я возвращалась домой со встречи с деревенскими друзьями, я встретила её. Марию. Старую, изношенную бабку, которая прокурила свои лёгкие и пропила свою печень, что отразилось на её лице. Она появилась неожиданно, в тот момент, когда я спешила домой и думала о том, как вырасту и выйду замуж за Артёма, потому что он тоже любит вишневое мороженое, и тоже терпеть не может пломбир. Она выскочила на дорогу, и засмеялась своим беззубым ртом, попутно кашляя и отхаркивая слизь из горла.

– Господи! Мамочки!

– Господи? Ты веришь в Бога, глупенькая? Его же нет. Не существует.

– Как это не существует? С кем же люди говорят, когда приходят в церковь? Кого же они просят помочь?

– Его нет, и точка. Эти люди-сумасбродные ублюдки, бьющиеся лбом об пол, говорят о святости и безгрешности, а сами только и мечтают, как выйдут из церкви и нальют себе водки, или о том, как ночью они будут развлекаться с чужими мужьями и жёнами. Думаешь эти священники безгрешны? Они же первые грешники на Земле. Потому что обманывают людей своей болтовней о Боге, да ещё и обирают людей, бездумно верящим им, продавая свечки и крестики, якобы освещенные какой-то святой водой. Думаешь они не так похотливы, как все мы? Их секс-фантазии ещё более извращенные чем наши, якобы обычных людей. А всё почему? Потому, что запретный плод сладкий. Чем больше они клянутся и говорят "нет", тем больше им этого хочется. Бога нет. Иначе, он бы не позволил всему этому происходить.

– Ева!

Мама позвала меня, но я остолбенела. Как это, нет Бога?

– Ева... Тебя ещё и зовут, как ту шлюху из Рая.

Она такая язвительная, эта Мария.

– Что эта женщина говорила тебе? Ну, в любом случае, не слушай её. Она просто не состоявшийся человек. Всё, что она говорит, сплошная глупость. Слушай только родных, и всё будет хорошо.

Я слушала маму, но не могла успокоиться. Бога нет? Как так? С кем же я тогда разговариваю перед сном, прося здоровья маме и папе? Его нет. Я забежала на чердак и заплакала.

– Раз тебя нет, кому мне верить? Что мне делать, кто же поможет моим маме и папе быть всегда здоровыми?

И тогда это случилось впервые. Я смотрела на себя в большое старое закоптевшее зеркало. Вокруг меня было много старинных вещей, переправлены пылиться на чердак, после того, как бабушка сделала ремонт на мамины с папой деньги, и обставила дом исключительно новой мебелью. Я смотрела в это зеркало, на своё красное лицо. Я была вся мокрая, от слёз и слюней, что пузырились изо рта и из носа. Я не могла поверить в то, что сказала мне эта старуха. Я подошла к зеркалу и со всей силы ударила о него головой. Кровь потекла по лицу, но меня не испугало это. Я стала доставать осколки из трещин на зеркале, и сжимала их в руках. Кровь теперь текла и по рукам. Я кричала, плакала, из носа летели пузыри. Мама забежала, когда услышала грохот и мой плач. Через два часа я уже сидела с бабушкой на кровати, с зашитыми руками. Меня напоили какой-то редкостной дрянью, от которой у меня свело лицо. Это сейчас я знаю, что это был лишь корвалол. И это сейчас я знаю, что Мария-женщина, семнадцать лет борющаяся за возможность родить ребёнка. Три года она ездила из города в город, к разным врачам. Тратила кучу денег на обследования и лекарства. И ещё четырнадцать лет она ездила во все точки мира, в самые главные православные храмы. Она молилась сотням икон, просила помощи, но Бог, вместо того, чтобы подарить ей ребёнка, отнял у неё любимого мужа. Мужа, который сопровождал её везде. Всегда был рядом с ней, и молился вместе с ней. Он не вернулся из Киева, вернулась только она. Мне не рассказывали, в какой храм они ездили, зачем и что случилось с ним там. Этого не знал никто. Я лишь знаю, что он не вернулся. Может, его там убили, может сердце его не выдержало, может он сам совершил деяние над собой, я не знаю. Я знаю только, что он не вернулся из Киева. Вернулась только она. И с тех пор она не верит в Бога.

«Столько, сколько хватит на лечение». Папа тогда позвал меня в аквапарк. И я действительно пропустила в школу. Нужно было готовиться к экзаменам, потому что год этот подходил к концу. Но я гуляла по аквапарку. С папой. Мама была рассержена, когда мы вернулись домой. А через полгода было моё шестнадцатилетие. То самое, когда отец спешил с ночной смены. Начался учебный год, и в свой День рождения я должна была идти в школу. В свою новую школу. Я так не любила ходить в школу в День рождения. Ведь никто не поздравлял меня. Все только спрашивали, почему я пришла в белой блузке и юбке. Я отвечала, что хорошее настроение. И лишь ОН поздравлял меня, тайком. Идя на встречу, шептал, чтобы никто не услышал. Потому что знал, что я не хочу, чтобы кто-то об этом знал.

– Привет! С праздником.

– Доброе утро. Спасибо.

Вот такой был у нас диалог. Он любезно поздравлял меня, а я нюхала ускользящий шлейф его духов. Безумно сладких для мужских. Я могла бы вечно их нюхать. Но в тот день, пятого сентября, меня он не поздравил. Потому что он остался там, а я теперь здесь. В новой школе. Где я никого не знаю, и никто не знает меня. Он не поздравил меня в соц. сетях, потому что он не был у меня в друзьях в Вконтакте, хоть я и кидала ему заявку. Но в новой школе оказалось не так плохо, как я думала.

Тем более, что в старой меня ничто и никто не держал. Разве что Он. И то, только мыслями. Моими мыслями. Да и не он держал меня, а я держалась за него. Но в этот день, пятый день в новой школе, я не появилась на занятиях. С утра я ждала отца, но он не пришёл. И тогда мама позвонила мне с работы и обо всем рассказала. Он попал в больницу с раздробленными ступнями. Их отрезали сразу. Но отрезали плохо, и он мучился ещё долгих два месяца. Мама была постоянно на работе, а я не могла оставить отца одного. И первые два месяца в новой школе я пропустила. Меня поняли, но только тогда, когда узнали, что папа умер.

Папочка. Его синее опухшее лицо я помню и сейчас. Через пять лет ничего не изменилось. С утра, второго ноября я нашла его на полу.

А всего лишь день назад он уговаривал меня пойти в школу.

– Ты уже итак много пропустила. Я справлюсь сам, только оставь мне поесть.

Но я то знала, как ему тяжело. Если бы не было тяжело, он не просыпался бы в четыре утра от боли, и не кричал бы. И не закидывал бы в себя по шесть таблеток, и не делал бы по три укола за раз. Но я согласилась. Решила, что пропускать так много и правда не стоит.

Я встала в пять утра, приготовила папе покушать. Умылась, оделась, быстро собрала сумку и отправилась к папе в комнату, чтобы поцеловать на прощание и занести еду. В его комнате стояла микроволновка, так, чтобы он мог не вставая с постели подогреть себе пищу. Я зашла в комнату, но он был на полу, а не в постели. Он был мёртв. Я кричала и рыдала, прося его очнуться, около двух часов. Потом пришла мама с ночной смены на второй работе, и вызвала своих друзей. Почему моя мама, будучи первоклассным хирургом, не сделала ему операцию сама? Наверно, уже тогда она не любила его, и ей было плевать. Конечно, ей было всего сорок, а ему уже пятьдесят шесть. Он не был страстным любовником, и редко выводил её куда-нибудь. Всё свободное время он посвящал мне. Познакомились они, когда она была на практике. Она – практикантка, он – состоявшийся хирург. И тогда она была покорена им, его зрелостью, его обонянием. Он был заботлив и учтив, ухаживал за ней так, как никто не ухаживал. Через недолгое время родилась я. Он был счастлив. Мама устроилась в ту же больницу где работал он. У него были частые ночные. А она устроилась ещё на одну работу, когда «отцу уже пятьдесят, он не сможет сам полностью обеспечить нас». И она пошла в дом-интернат для инвалидов, медсестрой. Я не знаю как, но она умудрялась совмещать две эти работы, бывая дома в общей сложности десять часов в неделю, и не валиться с ног. Она подстраивала свои отпуска на двух работах так, чтобы они были в одно время, и она смогла хоть немного отдохнуть. В тот день она вернулась с ночной из дома интерната, и к десяти ей нужно было идти в хирургию. Она позвонила своим друзьям.

Она не плакала. Она покорно приняла его смерть. Хотя на похоронах, когда опускали гроб, она все же уронила слезу. Но я и до сих пор думаю, что не из-за утраты мужа, а из-за жалости ко мне. Я чуть не прыгнула в след за отцом, а тот гробовщик поймал меня. И стал успокаивать мою мать. Так они и познакомились, и четвёртого декабря состоялось бракосочетание. И сорока дней не прошло. Но моё опухшее от слёз лицо всё же было на том фото. Я пропустила весь ноябрь и декабрь, переваривая последние события. В школу я пришла только после новогодних каникул. Я договорилась с учителями, и они, понимая моё положение, разрешили сдать мне предметы. За те четыре месяца, что я отбыла дома, в школе меня не было шестьдесят два дня. Я договорилась. Мне не ставили н-ки, и я будто присутствовала на уроках. Я договорилась. Мне так повезло с этой школой. В прошлой школе мне ни за что не позволили бы такое. Меня бы исключили, или оставили на второй год. Маме бы пришлось заплатить гораздо больше в старой школе, чем в этой. Я договорилась. И сдала в январе все контрольные. Два месяца после смерти папы меня спасала только учёба. Я писала эти контрольные, сутками читала. И наткнулась тогда на Джэн Эйр. За эти пять лет, с тех событий до нынешних, я перечитала её шесть раз. Я знала некоторые моменты наизусть. И меня поражала не история любви Эдварда и Джэн, а жизнелюбие и стойкость одинокой девушки. Каждый раз читая её историю, я мечтала быть такой же сильной, как она. И вчера я заперлась в ванной именно с Джэн Эйр. Я прочла уже половину. Я читала быстро, так как наперед знала каждое слово, каждую строчку. Но с каждым прочтением чувства мои были глубже и глубже. Завороженность этой Джэн становилась всё сильнее.

"Столько, чтобы хватило на лечение". Потому, что уже тогда я знала, что это болезнь. Мама так говорила.

– То, что ты режешь себя, не нормально. Сколько раз ты травилась? Восемь? Десять?

Нет мама, одиннадцать. Одиннадцать раз я глотала таблетки, два раза резала вены и восемнадцать раз резала руки и ноги. Тридцать четыре дня голодала, двадцать два дня изнуряла себя спортом, и семьдесят восемь дней пила антидепрессанты, от которых становилась овощем. Да, она права, это была болезнь. Мама называла это суицидальными наклонностями,

знакомые мазохизмом, а папа говорил, что это нехватка любви. За тот период жизни, с девяти лет до шестнадцати, я тринадцать раз пыталась покончить с собой. Это была мания. Я не могла пережить и малейшие проблемы и тряски в моей жизни. Я глотала таблетки по любому волнующему меня поводу. Но всегда отец успевал меня откачать самостоятельно. Но тогда, в ноябре, перед маминой четвёртой свадьбой, папы не было. Его уже никогда не будет, и я не могла смириться с этим. Меня увезли в больницу, и больше получаса промывали желудок. Несколько дней я проявлялась под капельницей.

– Разве у меня нет других дел? Я не могу постоянно быть с тобой и откачивать тебя, каждый раз, когда у тебя нет настроения.

Мама утверждала, что мои "суицидальные наклонности" ни что иное, как дурь, которой я забила голову из-за интернета. Но она не могла признать тот факт, что рано или поздно это меня убьёт. Она любила меня, всегда. Просто своей, особенной любовью. Я с горем пополам окончила одиннадцать чертовых классов. Экзамены по русскому и математике сдала, но вот биологию завалила, не знала, что делать дальше. И это случилось снова. Четыре раза я глотала таблетки. После крайнего раза мама положила меня в психушку. И свой семнадцатый день рождения я провела в психушке. Мама тогда была одинока, и дома её никто не ждал. За эти четыре года, что она не была замужем, и не встречалась ни с кем, я чувствовала её любовь. Всю свою нежность она отдавала мне. Но не от того, что так сильно любила. А от того, что ей нужно было кому то отдать эту нежность. Обычно она отдавала её мужчинам, но в этот период она не хотела видеть мужчин, хоть и имела случайные связи с некоторыми.

– Для женского здоровья и долголетия. Ты поймешь, когда станешь старше.

Вчера я закрылась в ванной, чтобы не видеть этого ублюдка, которого мама называла "мой большой мальчик". Меня тошнило от этих слов. Она терпела его. А я не могла.

Если бы Антон был таким, я бы стерпела.

Но Антон никогда до такого не докатился.

Когда я перешла в новую школу, я мало вспоминала его. Мои мысли были заняты другим. Особенно в первые месяцы. Но к середине одиннадцатого учебного года, мне пришлось поехать в старую школу, чтобы забрать старые грамоты, которые я получила ещё в пятих-шестых классах, и которые хранились где-то в архиве школы. Я не забрала их тогда, потому что их всегда вручали на торжественной линейке, на которой меня обычно не было. Потому что линейка была после уроков, а я после уроков скорее бежала домой, к отцу, которого не видела целую ночь и день. Я так скучала по нему. И по маме. Но её я видела ещё реже.

Я приехала в старую школу, и не заметила, что что-то изменилось. Все было такое же. Только Антон был другим. Он стал старше и был похож уже не на мальчика, а на парня. Как же я любила его.

Очень давно началась эта любовь. Безвозмездная, безответная.

Но такая сильная, что хватило бы на двоих.

Но он не хотел. По крайней мере, я так думаю. Иначе тогда он ответил бы по другому. Тогда, это Восьмого марта. Я выпила две бутылки пива с одноклассниками из новой школы. И написала ему, без заявки в друзья. Я писала, плакала. Я написала ему четыре огромных сообщения, но в ответ получила пару строк. Я писала ему всё, с самого начала. Как он меня бесил, как я его ревновала, как я любила его, и как мечтала о его взгляде в мою сторону. Тогда он ответил, что никогда ещё не читал таких глупых сообщений. Он прочёл все, от начала и до конца. И ответил. А я ждала другого ответа. Я придумала себе, что и он любит меня также сильно, как я его, только боялся признаться. После его ответа я снова закинула в себя тридцать шесть таблеток, название которых я даже не смотрела. Просто, первые попавшиеся. Мама успела тогда. А потом экзамены, и снова таблетки. Но уже по сильнее. Я съела всего восемь штук, а меня в конвульсиях и судорогах отвезли в больницу. Название тех таблеток я тоже не смотрела. Год после школы я провела в огромной депрессии, но после психушки, я

поняла, что жизнь не так и плоха. Несколько лет я жила как нормальный человек. Но год назад пришёл дядя Олег. И всё началось снова. Два раза резала вены, три раза глотала таблетки. После последнего раза мама и решила отправить меня в клинику доктора Гжегожа. Знакомые ей посоветовали.

– Там по крайней мере, ты будешь под постоянным присмотром, который я обеспечить тебе не могу.

Мама... Как же она его терпит? Антон таким не стал бы. Но его я тоже терпела бы любого. Потому что любила, хоть и знала, что напрасно. Я изводила себя мечтами о нём, грезила о встрече. Последний год я безвылазно сидела в квартире. До этого я хотя бы работала. На заправке. Ночные смены.

После того, как я пережила попытку изнасилования, я не смогла больше работать в том месте, да и вообще из дома не выходила.

Это было жутко больно и неприятно. Какой-то ублюдок приехал часа в три ночи заправлять свою тачку, и долго пялился на меня, когда расплачивался за бензин. Он отдал деньги, получил сдачу и долго не выходил, молча стоял и раздевал меня взглядом. Я не могла тогда произнести ни слова. Он протянул свои уродливые руки, пальцы которых были обнизаны кольцами и перстнями, через прилавок, за которым я стояла. Попытка дотронуться до меня сначала не удалась. Я отбивалась от его рук, как могла. Но вторая попытка была успешной, и он начал тащить меня через прилавок, что ему тоже удалось. Он вытянул меня, хоть я и вцепилась за край столика, и швырнул на пол. Он был не один. Его дружок, который заправлял тачку, пока эта тварь пыталась обесчестить меня, зашёл в самый разгар.

– Э, брат, отпусти девчонку, хватит. Нам ехать надо!

– Отвали! Иди в тачку, я тут быстро. Посмотри, какая она слабенькая!

Я помню этот разговор. Я кричала, отбивалась, пыталась хоть как-то вырваться, но мне не удавалось. Эта мразь стала стягивать с меня джинсы, и после того, как получила от меня в морду локтём, ударила меня так, что я потеряла силы.

– Ты чего, больной?! Хватит, я сказал! Придунок, оставь её!

Я не знаю, есть ли Бог на самом деле, но если есть, то в тот момент парень, друг этого подонка, казался мне именно Богом. Он оттащил своего друга от меня и вышвырнул его на улицу, предварительно зарядив ему в нос. Этот урод стоял на улице, держась за морду, а парень, которого, как я потом узнала, звали Костя, поднял меня с холодного пола и повёл в свою машину.

– Побудешь здесь минут двадцать, хоть остынешь.

Костя посадил меня в машину, а сам вернулся на заправку за моей сумкой и курткой. Он спросил куда ехать, но я не могла говорить. В тот момент я хотела умереть. За всю свою жизнь я не желала смерти так сильно, как тогда.

– Отвези на мост.

Я выдавила из себя всё, на что хватило сил.

– На какой мост? Где ты живёшь вообще? У тебя есть родные, за тобой приедет кто-нибудь? Может, позвонишь?

– На мост. На самый высокий.

– Эй, подруга, ты это брось! Я отвезу тебя в полицию, оттуда тебя привезут домой.

Он сделал именно так. Когда мы приехали в полицию, Костя не оставил меня, а пошёл вместе со мной. Он рассказал там, что со мной случилось, но что это хотел сделать его друг, не сказал.

– Я на заправку подъезжаю, а там какой-то урод девушку повалил на пол. Она кричала, вырывалась, но он потом долбанул её, она чуть сознание не потеряла. Этот дебил пьяный был в стельку. Ну, я ему в нос дал и девушку к вам привёз...

Он ещё в машине попросил меня, что бы я не говорила, что он и насильник знакомы, и, более того, были вместе. Заявление я писать не стала. Полисмены вызвали скорую, так как я была в полубоморочном состоянии. Я не могла связать и двух слов. Приехали лекари и напоили меня успокоительным. Всё это время Костя был рядом. Когда я пришла в сознание, я всё-таки сказала свой адрес. Он отвёз меня, и всю дорогу болтал о чём-то, чтобы отвлечь меня от случившегося. Он проводил меня до квартиры, и даже вместе со мной стоял ждал, пока дверь не откроется. Мама была тогда дома. Она открыла дверь, и я заметила, что она была в халате на голое тело. У неё был мужик, всё ясно. Мне было жутко стыдно перед Костей.

– Ева?! Ты же должна быть на работе. И кто это с тобой?

Костя не стал мешкать и тут же всё рассказал, на последок попросив присмотреть за мной, и не оставлять меня одну. Он попрощался со мной, и поспешил вниз. Уходя, он шепнул мне на ухо слова извинения.

В ту ночь я не оставалась одна. Мама знала, что сама бы я никогда не дала бы повод, она знала, что я боялась парней и никогда не имела отношений ни с одним из них.

Своего любовника она выпроводила на кухню, а меня затащила к себе в комнату, и пробыла со мной до утра. Это был один из тех немногих случаев, когда мама обнимала меня и прижимала к себе, проявляя любовь. Мне стало намного легче когда я проснулась. Мама разбудила меня, перед тем как уйти на работу. Я не хотела оставаться одна, и попросилась с ней.

Весь день я провела на маминой работе, помогала ей, что отвлекало меня от мыслей о смерти. На следующий день я всё же вспомнила всё, что произошло. Тогда я пыталась перерезать вены, но мама успела до того, как я провела лезвием по руке. Через пару недель я успокоилась, мама попросила соседку присматривать иногда за мной, и она часто приходила в гости. Она была хорошей женщиной лет шестидесяти – шестидесяти пяти, и много чего интересного рассказывала мне.

После того, как я не вышла на работу в свою смену, мне стал названивать хозяин. Тогда моя соседка, которая как раз сидела со мной в момент звонка, выхватила у меня трубку из рук.

– Ева больше не выйдет на работу, найдите себе другую дурочку! У вас там не известно что творится, а вы и не следите! Девочку чуть не изнасиловали, а у вас даже кнопки вызова охраны нет, и никаких предметов для самообороны. Она больше не вернётся, так и запомните!

Костю я больше никогда не видела, но помнила очень долго.

Хоть с работой были связаны не лучшие воспоминания, я скучала по ней. Мне нравилось возвращаться рано утром, когда огни города ещё сияют. Когда люди ещё только-только просыпаются. Зимой мне особенно нравилось это. И я приходила только к одиннадцати часам домой, хоть и смена заканчивалась в шесть. С шести вечера до шести утра я была на работе, и видела маму ещё реже. Хотя она и бросила вторую работу, и работала только в хирургии, её часто не было дома. Она любила мужчин, так же сильно, как я любила вишневое мороженое. Оно продавалось и в магазине на заправке, и я каждый вечер и утро покупала его себе. Сияющим городскими огнями утром я неспеша шла домой, ела любимое мороженое, и смеялась, вспоминая Артема. Интересно, как он? Наверно, я его не узнала бы сейчас.

Я не пошла учиться. У меня не было образования, но я могла сама себя обеспечивать. Я знала, что если я буду поступать, мне нужно сдать дополнительные экзамены. Потом поступление. Высокий конкурс на бюджет. Сессии, курсовые, контрольные. Слишком много нервов. Я не дожила бы и до первой сессии. Мама предлагала идти на заочное, но мне показалось это ещё более абсурдным. Работа, переживания, отпустят ли тебя на сессию, да ещё и платить за неё нужно. Нет. Слишком много нервов. Я не дожила бы и до первой сессии. Я жила для себя. Получала свои кровные деньги, и тратила их на то, что хочу. Я покупала себе хорошее кофе, хорошие сигареты. Красивые чашки с мотивирующими надписями. Хорошая одежда, украшения. Косметика. Да, тогда я ещё красилась. Подводила глаза подводкой Max Factor, и красила ресницы Maybelline. А ещё я покупала себе шоколад. Лучший, импортный. Я не любила рос-

сийский шоколад. Я копила деньги на Шанель, но потратила их. Я нашла в интернете объявление, там говорилось об эксклюзивных книгах. Оригинальные издания, рукописи. И я купила одну. Джэн Эйр, в первоначальном виде, на английском. Как же это красиво. Я собирала четыре месяца, откладывала по несколько тысяч, и осуществила мечту. При коснулась к тому самому тексту, что печатали в типографии по заказу Бронте. А может, она сама печатала? И почему мне это никогда не было интересно... я просто знала, что таких книг, как у меня было очень мало. И то, что я купила её всего за двенадцать тысяч, большая удача. К ней ведь рисунки были приложены. Настоящие, из под её пальцев. Это волновало меня до дрожи. При одном воспоминании об этой книге, я покрываюсь мурашками.

И вот вчера я снова листала её. Теперь всегда два экземпляра с собой. Русский, и оригинальный. Я не плохо изучила английский, прочитав Джэн два раза в оригинале, поглядывая на русский перевод.

Но сегодня я знала, что всё закончится.

Вечером я вышла из ванны, когда услышала, как пришла мама. Я, не говоря ни слова, прошла в свою комнату. Переделась, достала наушники и включила Гагу. Applause вдохновляла меня более всего. Когда заканчивался второй куплет, дверь в мою комнату тихонько открылась. Мама включила свет, и встала напротив меня, положив одну руку на бок, а в другой держала полотенце в крови. Она махала им, кричала, но я не слышала что. Уже заиграла Joanne. Невыносимо красивая мелодия. Она успокаивает... Мама подошла и вырвала наушники у меня из ушей. Отобрала телефон, вырвав из рук, и швырнула его на пол.

– Ты что? Это единственное, что у меня есть!

– Почему, приходя домой, я должна со всем этим разбираться? Ты видела, что с твоим новым отцом? Он любит тебя как дочь, а ты? Вот как ты отвечаешь ему?!

Меня затрясло, но я не могла плакать. Во мне было больше злости, чем обиды.

– Какой к черту новый отец?? У меня был один папа, и он умер пять лет назад! И мне плевать, что случилось с этим мужчиной.

Я кричала, показывая рукой на комнату Олега.

– Бессовестная!

Она ударила меня тем окровавленным полотенцем по лицу.

– Ты избивала человека, он весь день испускал кровь. У него голова пробита. А ты ещё хамишь мне!

– Да я весь день в ванной просидела! Почему, если твой муженек напивается до глюков, расшибает себе башку, в этом виновата я? Почему его ты ставишь выше меня? Его, который только пьёт лёжа на диване, и пользуется твоими бабками!

Я выскочила из комнаты, и отправилась к этому уроду.

– Где твоя совесть, конченный ты мудака? Какого хрена ты винишь меня в своих запоях? Почему я должна выслушивать от матери всё это?

Я трясла его, во мне было столько гнева. Мама поспешила за мной.

– Ты, конечный ублюдок, соберешь свои вещи и свалишь из этого дома!

Я стала вытягивать его тряпки из шкафа, и швыряться в него.

Мама стояла молча. Она не могла поверить, что я такое могу сделать. Я ведь всегда молчала. Всегда. И терпела, как она. Но я не могу больше терпеть.

– Что ты так смотришь, мам?! Я делаю то, на что тебе не хватало сил.

Я знала, что она была привязана к Олегу, но и его поведение она терпела с болью. Ей было тяжело с ним.

– Дочка, успокойся.

Она подошла ко мне, и взяла за плечо.

– Я была не права, обвинив тебя в том, что случилось с дядей Олегом. Да, он изменился и больше не помогает нам, как раньше. Но ему некуда идти. Пусть останется хотя бы на время.

Я тоже от всего устала, но давай проявим милосердие. Завтра же, – она взглянула на Олега, – он пойдёт искать работу. А как прочно устроится, снимет себе жильё.

Мама была так добра в этот момент.

– Ладно. Решайте тут сами. Но учти, долго я этого не выдержу.

Я пошла к себе в комнату. Конечно я знала, что он не уйдёт, ни завтра, ни через неделю. Ей в сорок пять нужен был мужчина, да такой, чтоб всегда под боком и без претензий. Олег был идеальным вариантом. Стирать и готовить ему было не нужно, ибо он постоянно бухал, а ел что найдёт. Я представила, что это будет длиться всю жизнь. Его вонь из комнаты, маты и ругань целыми днями, пока нет мамы дома. Потому что когда она дома, он белый, с примесью мочи, и пушистый. Я открыла ящик у прикроватной тумбы. Афобазол, валериана. Амитриптиллин, прозак, фенозепам. Нурофен, анаприли, глицин. Я остановилась на прозаке. Достала два блистера и выдавила шестнадцать капсул. Собрала всю слюну что была во рту, и попыталась сглотнуть, но не вышло. На тумбе стоял остывший кофе.

– Отлично.

Я проглотила таблетки и легла в постель.

Через пол часа, может меньше, меня затрясло. Начался тремор рук и ног. Вдруг, начиная от пальцев рук, меня схватили судороги. Они распространялись по всему телу, и когда дошли до икроножных мышц, я закричала. Это было больно.

Потерять папу было больнее.

Я должна была терпеть, чтобы наконец встретиться с ним.

Мама прибежала в комнату. Я лежала со скрюченными руками и перекошенным лицом. Я не могла говорить.

Она сбегала в свою комнату, принесла какие-то лекарства, сделала мне два укола и принялась писать мне в нос какую-то дрянь, от которой меня за тошнило. Меня вырвало, минут через двадцать стало отпускать. Я плохо помню, что говорила мне мама. У меня свистело в ушах. Я помню лишь, как она подошла ко мне. Было уже пол третьего ночи.

– Милая, ты хоть сама понимаешь, что так дальше нельзя?

Я неохотно кивнула.

– Завтра я отвезу тебя в клинику доктора Гжегожа. Он из Польши. Он очень хороший специалист, он поможет тебе. Там по крайней мере, ты будешь под постоянным присмотром, который я обеспечить тебе не могу.

Она молчала с минуту.

– Ты согласна поехать?

– Опять в психушку? Кто ж на такое согласится?

– Нет, нет, это не психбольница. Это частный реабилитационный центр. На окраине Петербурга. Тебе понравится там.

– Ладно.

Я смирилась. Мама ушла, и я полезла в интернет. Доктор Гжегож. Реабилитационный центр. Головной офис, если так можно сказать, находился на Крестовском острове в Питере, а реабилитационный блок был где-то под Питером, в малонаселённом областном городе. Про него я ничего не нашла. Реабилитационный блок. И кто придумал это название? Я представила себе его. Белые стены, окна с решетками. В палатах только кровати с ремнями, и унитазы с мойками. Комнаты запираются на ключ, и отпираются лишь тогда, когда медсестры приносят еду и таблетки. А ещё с утра, когда делают укол с успокоительным, чтобы ты весь день валялся в кровати, как овощ. Мне стало жутко, но в то же время интересно. За что так хвалят этого польского доктора Гжегожа? Одни лишь положительные отзывы. Но фото нет. Только бы мама не влюбилась в него. Хотя, он вряд ли хуже этой свиньи.

Глава 2

Мама разбудила меня пол шестого утра. Я спала меньше трёх часов, но усталости не чувствовала. Мне хватило этого времени, чтобы не быть разбитой. То, что несколько часов назад меня вырвало, сказалось. Я посмотрела в зеркало. Лицо было опухшим. «Ну и видок» – подумала я. «И как в таком виде появляться у этого доктора? Он сразу заподозрит, что я ненормальная, и положит в самую закрытую камеру.» И тут я подумала, а почему меня это вообще волнует? Почему меня волнует то, что скажет этот доктор Гжегож. Плевать. Когда-нибудь они опоздают. А в гробу будет плевать, как я выгляжу. Я пошла на кухню. Мама допивала свой горький до кислого кофе. Она всегда такой пьёт. Однажды я отпила из её кружки и меня перекосило. Сколько она кладет? Четыре, пять ложек? Она всегда такой пьёт. Я взяла замызганный чайник. Открыла. Только осадок шевелился на дне.

– Почему ты не оставила мне кипяток?

– Я не думала, что тебе нужно. Погрей заново. Поспешу, через сорок минут мы выезжаем.

Она ушла в комнату. Оттуда послышалось невнятное мычание Олега. Опять нажрался... Когда он успевает? И почему ему так легко? Почему он не чувствует вины за собой, или хотя бы стыда? Хотя... Плевать. Сегодня я буду ночевать в другом месте. А это не плохо, что мама увозит меня. Есть плюсы в этом. Хоть я и буду скучать по маме, радует то, что я не увижу косую морду этой пропившейся свиньи. Кнопка щёлкнула, вода успокаивалась. Я подождала пока мусор осядет, налила себе кипяток. Пара капель упала на пол. Я вытерла ногой. У меня на ногах были красные махровые носки, они хорошо впитывают влагу. Если бы мама увидела воду на полу, обязательно не удержалась бы. Ляпнула бы что-нибудь, чтоб уколоть меня. Язва. Иногда я так думаю про неё. Но я люблю её, хоть и ведет она иногда себя хуже змеи. И нянчится с Олегом. Как будто он ребёнок. Пока я думала об этом, я не заметила, как пила пустой кипяток. Я кинула пакетик зеленого чая. Без сахара. Чай этот был редкой дрянью, но от одного запаха кофе меня уже тошнило, и я решила не пить его этим утром. Зелёный чай бодрит. Я пошла к себе в комнату, села напротив зеркала. Девушка, что смотрела на меня оттуда, казалась мне уродливой. Растрепанные жидкие волосы, лопнувшие сосуды в глазах. Лицо земельного цвета, будто её вот-вот стошнит. Я выпила чай и решила изменить отражение. Волосы забрала в пучок, предварительно начесав, чтобы казались гуще. Косметики у меня было не много. Я воспользовалась тоном, тушью и карандашом для губ. Мама зашла в комнату.

– Ты ещё не готова? А где вещи? Ты ещё не собрала вещи?! Хватит тут прихорашиваться, ты не на свидание идёшь! Быстро соберись, у тебя десять минут.

Боже, мама... Я не иду на свидание, а ты видимо идёшь. Я не помню, когда она в последний раз надевала это синее шифоновое платье. Такие ещё носят? Она хотела казаться моложе. А еще больше-хотела казаться богаче. Её ослепляющая красная помада сразу ударила мне в глаза, как только открылась дверь. Я даже не сразу уловила суть её слов. Так сильно горели её губы, что моё внимание было приковано только к ним. Только бы она не влюбилась в этого доктора Гжегожа. Хотя, он вряд ли хуже той свиньи, из соседней комнаты. Мы спустились, вышли из подъезда. Нас уже ждало такси. И откуда у матери деньги на такси? Я думала, мы поедем на метро. Мы ехали пару часов, может чуть больше. Всё это время я сидела молча, уставившись в окно. Мама тоже не говорила. Это было так странно. И села она ко мне, на заднее сиденье. Обычно она не упускала возможность покочетничать с водителем, даже если мы ехали в автобусе. Я сидела и вспоминала, как однажды ехала в такси встречать папу. Мама была со мной. Мне было десять или одиннадцать. Папа был в Калининграде. Он делал операцию по просьбе знакомого. Ему пришлось ехать.

– Однажды, этот человек выручил меня так, что я за всю жизнь с ним не расплачусь. Я должен помочь. Должен уехать.

Так он говорил перед отъездом. Но вот мы с мамой уже встречаем его. По дороге она заговорила с таксистом.

– Разве может прекрасная молодая женщина вынести это? Постоянно его нет дома, а мне так нужно внимание. Вы одобряете измену в таких ситуациях? Таксист покосился на меня в зеркало, что в салоне. Я поймала его взгляд. Он замялся.

– Не стесняйтесь её, она ещё маленькая и пока не понимает всех трудностей жизни. Так что? Одобрите измену, или нет?

– Я не думаю, что измена такой уж страшный грех. В конце концов нам иногда надоедают тела тех, кто с нами годы спит в одной постели и чавкает за одним столом.

Мама громко рассмеялась.

– А вы имеете того, кто чавкает с вами за одним столом?

Она было до тошноты кокетлива. Ей что, пятнадцать? Боже, как она глупо выглядела тогда. Но она об этом не подозревала.

– Женщину? Нет, я не женат. И не вижу пока в этом нужды. Мне комфортно жить так. Ночевать где хочу, и с кем хочу. Просыпаться там, где никогда не подумал бы, что окажусь.

Таксист улыбнулся. Вот глупец. Ещё один. Он не видел себя со стороны. Как он выпрямился, положил руку на колено, раздвинул колени. Будто о нём мечтаю все женщины. По его лицу было видно обратное, что ОН мечтает обо всех женщинах. Озабоченность. Вот что связывало этого противного таксиста и мою маму. И это же отталкивало меня в людях, как только я подозревала их в этом. Я вспоминала как мама флиртовала с этим уродливым водилой, а через пол часа горячо обнимала отца. Позже она уже открыто выражала свой холод по отношению к нему. Машина дёрнулась. Я вернулась в реальность и отошла от мыслей. Вопросительно посмотрела на маму.

– Мы проехали поворот. Не волнуйся, всё в порядке.

Я кивнула и снова уставилась в окно. Эти старинные здания воодушевляют меня. Хотела бы я оказаться в Петербурге века пятнадцатого – шестнадцатого. Там бы не было этой свиньи Олега. Общество уничтожило бы эту грязь, на корню. Мы подъехали к огромному бежевому зданию. Оно напомнило мне больше торговый центр, нежели больницу. Четвёртый этаж был полностью застеклён, и я видела, как там шныряют люди. Женщины в белых и розовых халатах, вот прошёл мужчина в голубой шапочке и костюме такого же цвета. Наверное главврач. Может это доктор Гжегож? Потом я увидела, как хрупкая девушка тащила коляску. На коляске сидел человек, но я не поняла, мужчина или женщина. Этот человек был абсолютно неподвижным. Вдруг он дёрнулся и замахал руками. Меня это испугало, да так, что я невольно отшатнулась. Девушка остановилась. К ним подошёл какой-то мужчина в длинном сером свитере и черных брюках. Из кармана он вытащил очки. Наклонился перед человеком на коляске, что-то сказал ему и похлопал по спине. Мужчина пошёл дальше, а человек на коляске пытался оглянуться и помахать уходящему. Но не мог, что-то сковывало его движения. Наверное, это посетитель. Пришёл проведать родственника, которого выбросил сюда, как на помойку. Конечно, кому хочется ухаживать за больным. Почему люди не осознают ценность семьи и родных? Если папу можно было бы вернуть... Я бы делала всё. Сутками вертелась подле него. Готовила бы ему, мыла бы его. Меняла белье. Только бы он был рядом. Интересно, если бы он был жив, позволил бы он отвезти меня в это место... Не думаю. Он слишком любил меня, и не подписал бы мне смертный приговор.

– Ева? Ты что там рассматриваешь? Идём, нас ждут к девяти.

Мама пошла вперёд, толкая мой чемодан с вещами. Она положила туда каких-то вещей от себя, не спросив, нужно ли мне это. Но ничего, я привыкла что она указывает мне. Мы прошли внутрь. Ничего не напоминало больницу, кроме женщин и мужчин в сугубо рабочей одежде. Девушка в регистратуре была очень приветлива.

– Девушка, мы к доктору Гжегожу. У нас приём на 9 часов.

– Пройдите по лестнице на второй этаж. Его кабинет прямо по коридору. Не могли бы вы мне сказать свои данные, я внесу вас в список пациентов.

Пока мама информировала девушку за окошком, я подошла к лестнице на второй этаж. Вдруг кровь ударила мне в голову и глухо застучала в висках. Страх? Да, мне стало страшно. Что ждёт меня? А вдруг и меня обколют чем-то, как того на коляске, и я истерично буду пытаться помахать маме, когда она придёт навестить меня... Если придет.

– Идём Ева.

Мама взяла меня за руку, и мы пошли наверх. Миновав лестницу из серо-зелёного камня, я увидела впереди дверь. «Доктор Гжегож Робертович Левановски». Дверь была широкой и высокой, не стандартного размера. Она блестела золотом, а на ручке висела милая записка. «Вход без улыбки воспрещён». Я улыбнулась. Мы постучались, нам ответила женщина.

– Проходите, доктор сейчас подойдёт. Кто из вас на приём?

Мама указала на меня

– Вы прошли запись в регистратуре? Хорошо. Тогда проходите в кабинет, располагайтесь. Я принесу вам чай.

– Можно зелёный?

Неожиданно спросила я, а женщина мне улыбчиво кивнула. Здесь так мило, что я почувствовала, как мне стало спокойнее. Действительно не похоже на больницу. Совсем не похоже. На рабочем столе доктора были разбросаны бумаги, лежали какие-то фотографии и вырезки из газет. У окна стоял большой белый диван. Мы устроились на нём. На столике перед диваном лежали книги и журналы, и даже стояли фрукты в синей пластмассовой вазочке в форме яблока. Интересно. Креативно. Знать бы, он также мило подходит ко всему, как к обустройству своего кабинета, или это лишь видимость. Часто бывает, что люди делают из себя милых созданий, чтобы их не боялись и раньше времени не сбежали. Вдруг эти улыбки искусственные. А эти фрукты? Я взяла яблоко и откусила. Настоящее. Может и улыбки этих людей такие же... Вдруг дверь открылась и в кабинет зашёл мужчина. В сером свитере и черных брюках. Я почему-то застыла с откусанным яблоком в руке.

– Ты Ева?

Я кивнула.

– Хорошо. Вы подождите за дверью. Когда закончим, я сообщу что мы решили с Евой.

Мама вышла и мне стало страшно. Наверное, сейчас он будет задавать idiotские и неприличные вопросы. Или такие, на которые я не знаю ответов, чтобы выставить меня глупой и засунуть в самую глубь мира idiotов.

– Присядь здесь.

Он показал мне на стул у его рабочего стола. Я села. Он был напротив.

– Почему ты взяла это яблоко? Не думаю, что тебе хотелось есть, или что ты просто невоспитанная девчонка.

– Я проверяла.

– Не искусственное ли оно?

Он засмеялся. Я тоже улыбнулась.

– Хорошо. Ева, твоя мама говорила мне о проблеме. Но ты же знаешь, родители, они такие. Они не всегда передают реальность такой, какая она есть. Расскажи мне сама, что тебя беспокоит.

– Я глотаю таблетки или режу себя. Пытаюсь всячески избавить свою душу от ноши в виде этого тела. Мама называет это склонностью к суицидам.

– Я знаю, знаю это. Но я спрашиваю не о том, как ты пытаешься покончить с собой, а почему ты делаешь это? Что беспокоит тебя? Не на пустом же месте тебе приходит в голову умереть.

Я молчала. Я не знала что сказать.

– Не бойся. Ты можешь сказать в этом кабинете все, что приходит в голову. Никто не осудит тебя и не будет ругать.

Он что, думает, что я ребёнок? Почему он так говорит со мной?

– Мне двадцать один.

– Я знаю. Так почему? Ты можешь ответить мне на этот вопрос?

– Я не знаю. Чаще всего из-за маминого нового мужа. Ещё из-за отца.

Меня пробила дрожь и я стала задыхаться. Мне вдруг захотелось убежать, далеко. Уединиться и кричать. Я хотела плакать. Я вспоминала всё, что творилось со мной до смерти отца, и что было после.

– Ты не должна нервничать так, Ева. Всё, что с тобой происходило раньше, теперь не произойдёт. Мы не знаем, что будет с нами в будущем, нам не дано это предвидеть. Но мы можем предотвратить нежелательные ситуации.

Он был задумчивым, что-то записывал в тетрадь.

– Что это у вас за фотографии? Газетные вырезки... Это какой-то ваш бывший пациент? Он умер?

– Эти фотографии делались каждые два месяца дней в течении трёх лет. Я лечил этого человека от синдрома Дауна. Его привезли ко мне, когда ему было двадцать два. Не умеющий писать, читать, даже держать ложку и самостоятельно ходить в туалет. Я начал применять к нему методику, которую разработал когда ещё жил в Польше. Через три года лечения он не встал, и не научился писать. Но научился читать и говорить вполне внятно. Он прочитал уйму книг. Больше чем я. Он рассказывал мне о чем читал, какие герои ему нравились. Ты не поверишь, но у него даже была девушка. Его имя было в некоторых газетах. Вырезки из них перед тобой. Но попал он в газеты не потому, что после лечения он стал гением и сотворил что-то невозможное. Он перерезал себе вены. На глазах у сотни людей. В ресторане, куда его пригласила девушка, чтобы сказать, что она уходит от него. Тогда я жалел, что научил его пальцы работать. Теперь я занимаюсь тем, что ищу связь психоэмоционального уровня человека с любовью. Когда человек не понимает ничего вокруг, он не понимает, как это – любить. Но всё же нуждается в любви. Как думаешь, почему? И почему люди с более низким психоэмоциональным уровнем больше нуждаются в любви, чем среднестатистический человек? И почему они умеют отдавать эту любовь, платить за неё своей любовью, хоть и неосознанно, а мы не всегда это можем?

Я смотрела с недоумением.

– Проще говоря, почему глупец любит честнее и искреннее, чем нормальный человек?

– Может потому, что он не такой как все? И когда кто-то испытывает к нему чувства, значит он выделил его из огромной массы нормальных людей.

– Может и так. Но разве глупый человек поймёт, что его выделили. У них свой мир, и нам не дано его понять. Суть в том Ева, что те, кто был рождён человеком не совсем здоровым, тоже люди. Но некоторые особы это забывают. Думают, если дурак, то и любить не может, и ему любовь не нужна...

Доктор задумался...

– Гжегож Робер...

– Просто, доктор Гжегож. Так привычнее для меня и легче для тебя.

– Доктор Гжегож. Что это за человек, на коляске. Я видела с улицы, когда подъехала. Он был рад вам.

– Это Роберт Левановски. Это мой отец.

Я выкатила глаза.

– Хочешь спросить, почему он в таком состоянии и почему я так жесток со своим отцом? У него – сенильная деменция альцгеймеровского типа – болезнь Альцгеймера, уточнил он, когда увидел мой непонимающий взгляд. – И он находится здесь на постоянном содержании. На

пятом этаже моя квартира. Я живу в том же здании, где работаю. Но я, бывает, уезжаю. И тогда отец находится под присмотром проверенных людей. Людей которые не причинят ему зла.

Мне стало неловко из-за того, что вызвала его на такой откровенный разговор. Он покачал головой.

– Хорошо. Всё понятно, Ева. Можешь идти. Внизу тебя будет ждать машина, она отвезёт тебя куда нужно. Но Ева, ты едешь одна. Маму отправим домой.

– А вы не поедите?

– Я прибуду позже, у меня ещё есть дела здесь. Увидимся, Ева.

Доктор Гжегож... Если мама не влюбилась в него, то обязательно ещё влюбится. От излучает такое добро, буквально светится. Всем своим видом он вселяет надежду на лучшее будущее в этом мире. Я вышла из кабинета, мама нервно теребила ручку сумки.

– Ну что? Они возьмутся за тебя?

– Да. Он сказал, что внизу меня уже ждёт машина. Но я поеду без тебя.

– Как это без меня?

Она стала изображать такую озабоченность, такое переживание за меня, чтобы медсестре было видно, что она действительно волнуется за меня. Лицемерие и лживость- вот что увидела я. Она хотела сплавить меня, у неё это получилось. Живи спокойно, мама. Живи и терпи своего Олега. Ведь его ты терпишь, и будешь терпеть, а меня не смогла вытерпеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.